

Семёнова, Л. Н. Социальная направленность государств переселенческого капитализма/ Л. Н. Семёнова // Общество, государство и религии в современном мире: материалы круглого стола кафедры истории нового и новейшего времени БГУ : В. С. Кошелев (пред.) [др.]; под науч. ред. В.С. Кошелева, — Минск: РИВШ, 2014. — С. 96-100

Л. Н. Семёнова

Белорусский национальный технический университет, профессор

Социальная направленность государств переселенческого капитализма

США, с одной стороны, и такие страны, как Канада, Австралия, Новая Зеландия, с другой, представляют собой разные модели социального государства. Если США тяготеют к либеральной модели с минимальной ролью государства, наличием множества частных и частно-государственных социальных программ, то члены Британского содружества, как и некоторые европейские страны, ориентированы на активный этатизм в социально-экономической сфере, поддерживаемый государственным сектором, преобладание государственных социальных программ. Если либеральную модель, представленную в США, можно охарактеризовать как «общество всеобщего возмещения убытков», то в отличной от нее этатистской модели доминирует принцип коммутативной или перераспределительной справедливости. В первом случае справедливость понимается как компенсация и возмещение ущерба. Только добившись признания себя жертвой, человек или социальная группа могут рассчитывать на получение компенсации. Во втором случае признается равенство прав и взаимная ответственность по их реализации. Здесь действуют максимы «воздать каждому по заслугам» и «справедливого вознаграждения» [2, с. 113]. Если воспользоваться дихотомией Капитал – Труд, лежащей в основе организации капиталистического общества, то либеральная модель рассчитывает на милосердие и ответственность Капитала, а этатистская модель исходит из интересов и возможностей Труда.

Почему же столь разные модели возникли в странах единого цивилизационного корня, единой англо-саксонской культуры и ментальности, в конце концов, единой исторической судьбы – в переселенческих колониях Британской империи?

Переселенческая колонизация сопровождает человечество с древности. Развиваясь стихийно или направляясь государственными усилиями, она всегда свидетельствует о социальной энергии, силах и возможностях породивших ее обществ. Внушительной была колонизация Древней Греции. Миниатюрные государства-полисы, начиная с VIII в. до н.э., создали буквально семьи себе подобных поселений в Сицилии, Южной Италии, во Фракии, на побережье Черного моря, в глубине Малой Азии. Многочисленные колониальные поселения основали Финикия, Карфаген – сам родившийся как колония Финикии, Древний Рим.

Капитализм, стремящийся к расширению среды обитания, в эпоху Нового времени привел к невиданной по масштабам колонизации. В ходе Великих географических открытий был «открыт» для переселенческой колонизации Новый свет. Просветительские идеи прогресса и превосходства белого человека и ценностей западной цивилизации идеологически обосновали «необходимость» его освоения. Многие крупные колониальные империи пробовали себя на этом поприще. Испания и Португалия, первые по сути капиталистические метрополии, осваивали свои латиноамериканские колонии феодальными методами. Движение России на восток, став по сути имперским расширением, не сопровождалось активной переселенческой колонизацией. Франции также для переселенческой колонизации не хватало людей. На этом фоне весьма удачной выглядела британская колонизация. Именно Англии на отдаленных территориях Северной Америки, Австралии, Новой Зеландии удалось создать вполне жизнеспособные общественные организмы. Но при всем сходстве их переселенческой природы политическая судьба, миссия и роль государств по управлению социально-экономической сферой, с одной стороны США, с другой стороны, Канады, Австралии и Новой Зеландии оказались различными.

Американские колонии Британии на территории будущих США поднялись, благодаря прежде всего личным усилиям колонистов-поселенцев. В XVIII в. в преддверии войны за независимость они жили в условиях прямых запретительных мер английского государства: запрета переселяться за Аллеганские горы 1763 г., запрета на организацию ряда производств, монополии на поставки определенных товаров и т.д. Освободившись от Англии, суверенное государство США не столько организовывало движение на Запад, сколько оформляло состоявшиеся усилия пионеров-поселенцев, признавало собственностью уже обрабатываемые земли, например, в соответствии с законом о займке 1841 г. В этом смысле американское государство было типичным либеральным государством, действующим по принципу «государства – ночного сторожа», не вмешиваясь в социально-экономическую жизнь своих граждан, а лишь охраняя их права и безопасность, и то на первых порах не очень удачно, и поэтому мирилось с тем, что граждане делали это самостоятельно, да еще и с помощью оружия. Американское государство в течение XIX в. в сложнейших условиях расширения страны, когда скваттеры и горностаратели по праву первого и сильного стремились устанавливать свои порядки на новых территориях, научилось, по выражению Эрнандо де Сото, делать важнейшее дело – «переводить материальные активы в капитал». «В результате возник единый рынок недвижимости, ставший базой стремительного хозяйственного роста страны», – пишет Эрнандо де Сото [4, с. 47, 60]. Такое государство точно по формуле Ф.Броделя стало адекватным политическим оформлением молодого, дерзкого, агрессивного капитала, нашедшего на американской земле необычайный простор для своей деятельности.

Когда в конце XIX в. в промышленно развитых странах Запада пришел черед социального реформизма, в США он в большей степени был ориентирован на ограничение всевластия монополий, защиту прав

потребителей. Жесткое противостояние «большого бизнеса» и «больших профсоюзов» не допускало государственного вмешательства в трудовые отношения.

Государства британских доминионов, которыми на рубеже XIX – XX вв. стали Канада, Австралия и Новая Зеландия выглядели полной противоположностью. После сложностей лихорадочного освоения огромных пространств, страны оказались перед необходимостью стабилизации, создания всех необходимых для развития общества самостоятельных институтов. Они тоже быстро научились «переводить материальные активы в капитал», создав системы регистрации недвижимости. Вскоре государства стали выступать в роли организаторов переселения, создавая для поселенцев необходимые элементы социальной, транспортной, ирригационной инфраструктуры. Они обзавелись существенной государственной собственностью на землю и ресурсы, стали вести государственный бизнес. Государства активно проводили политические и социальные реформы. Причем многие из них становились настоящими новаторскими экспериментами, невозможными в Европе. Реформы затрагивали и аграрный, и индустриальный секторы. Неслучайно, британские доминионы получили широкую известность в мире как полигоны социального экспериментаторства, страны «государственного социализма», «всеобщего благосостояния», счастливые «страны без забастовок», «рай для рабочих» и т.д. [3, с. 7]. Либеральные политики доминионов выглядели в этом смысле настоящими социалистами. Их государства, конечно же, нельзя назвать политическим оформлением Труда, в отличие от политического оформления Капитала, но вектор в сторону социальной ориентированности был ими обозначен недвусмысленно.

В чем же причины такого разного отношения к Труд и Капиталу? Освоение США происходило хронологически раньше, когда капитализм был на подъеме. В этой связи небезынтересна точка зрения экономиста М. Голанского, который считает, что «частная собственность – признак нетерпимости и развития, общественная собственность – признак терпимости и застоя. Переход к общественной собственности ознаменует собой конец экономического саморазвития общества, прекращение расширения искусственной ёмкости среды обитания человека» [1, с. 10, 13]. По его мнению, капитализм уйдет со сцены естественным путем в связи с экологическим кризисом на рубеже XX – XXI вв. Неслучайно США быстро выросли и начали тяготиться опекой метрополии, в экономическом отношении став не ее дополнением, что требуется от колоний, а соперником. Возможно поэтому Англия предпочла отпустить их на свободу. Интерес к будущим доминионам пробудился у Великобритании в конце XVIII в. в том числе и в связи с утратой 13 американских колоний. Именно тогда в форпост борьбы с мятежными колониями превратили Канаду и вспомнили об Австралии, могущей заменить США в качестве места каторги и ссылки. Интенсивное освоение доминионов началось на рубеже XIX – XX вв., когда территориальная экспансия капитализма натолкнулась на естественные пределы. Свободных территорий на земле уже практически не осталось. Земли Канады, куда переориентировался

поток поселенцев-колонистов, весьма точно назвали «последним, лучшим Западом». А к последним ресурсам всегда иное, более рачительное отношение. К тому же уменьшился и поток людских ресурсов. Еще в начале XIX в. небезызвестный английский деятель Э.Г. Уэкфилд, разработавший теорию «систематической колонизации» для освоения Австралии и Новой Зеландии, говорил, что новые страны требуют «достаточного правительства» (ample government) [5, p. 69]. Поэтому в обществах доминионов не привилось негативного понимания «свободы от государства», напротив, их государства стали по сути плановыми, полусоциалистическими.

Отметим еще одну причину, исходящую из аргументов социоестественной (СЕИ) или экологической истории, размышляющей над влиянием на историю общества природных, климатических, географических факторов. С этой точки зрения положение доминионов сразу оказывается гораздо менее благоприятным, чем в США, и настолько сложным, что одной частной инициативой их экономика поддерживаться не может.

В условиях отдаленности доминионов от метрополии, их огромных размеров, особенно «стран-континентов» Австралии и Канады, главной заботой государства становилось создание транспортной инфраструктуры – ключевого звена государственного сектора в Канаде. Учитывая жаркий, засушливый климат Австралии, помимо транспорта важнейшим элементом ее государственного сектора были ирригационные системы. В Новой Зеландии, стране с благоприятным климатом, прекрасными природными условиями, главной проблемой которой была лишь удаленность от Европы, государственный активизм в меньшей степени был обусловлен географическими условиями, а в большей степени сознательной, продуманной политикой правящих кругов, актом их политической воли, именно так понимающих свою миссию по обустройству страны.

Модели социального государства адекватны особенностям исторического развития и вырастают из социально-экономических и политических систем общества. В настоящее время все модели социального государства пребывают в глубоком кризисе, приведшем к демонтажу ряда его институтов. Не будет преувеличением сказать, что в XX веке, ставшем временем трагической битвы Капитала и Труда, Капитал победил Труд, но и сам выходит из этой битвы изрядно обескровленным. Но выход им искать вместе. Сегодня главным императивом, корректирующим современные модели общественного устройства, выступает социальное государство. Именно оно должно заставить социализироваться Капитал, и капитализироваться Труд с учетом специфики национального исторического развития.

1. Голанский М.М. Что нас ждет в 2015 г. (экономический прогноз против утопий). М.: «Наука», 2001.
2. Кочеткова Л.Н. Социальное государство: опыт философского исследования. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
3. Семёнова Л.Н. Политика социального реформизма в Канаде, Австралии, Новой Зеландии на рубеже XIX – XX вв. Минск: Экоперспектива, 2008.
4. Сото, Э. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М.: Олимп Бизнес, 2001.

5. Hancock, W. K. Australia. L.: Ernst Benn Limited, 1930.